

*Алексею Семенову и его сводной сестре Катерине,
а также их родителям (русским и немецким),
пережившим невероятные события,
которые навяли сюжет этого романа,
с восхищением посвящается.
Вы — мои самые лучшие и любимые друзья!*

— **А**х, у меня сплошной стресс! Нет времени ни на детишек, ни на мужа, не говоря о домашнем хозяйстве! Ни свободного часа на солярий, фитнес и салон красоты!

— И у меня то же самое.

— У меня даже нет по утрам времени, чтобы выгулять собачку!

— Послушай-ка, пусть твой муж займется всем! Вау, у меня великолепная идея! Лучше попробуй с Au Pair¹. У тебя не будет больше никаких проблем, и не нужно будет напрягаться.

— Чудненькая идея, дорогая! Я сейчас же поищу в Интернете информацию об этом!

*(Из разговора двух дам среднего
возраста в гамбургском кафе)*

---

¹ Что такое Au Pair, подробно объясняется в тексте романа.

*Гамбург,
4 сентября 200... года*

Когда часы гулко пробили половину восьмого, раздался тревожный и настойчивый звонок. Прислуга по случаю трагических событий была в бессрочном отпуске, в особняке остались только три человека — Ева, Катя и адвокат.

— Я открою, — сказала Ева и прошествовала к двери. За оградой ее ждали комиссар криминальной полиции Гамбурга Эльке Шрепп, ее помощник Йохан Пилярски и еще двое полицейских в зеленой форме.

— С кем имею честь? — спросила комиссарша. — Ага, госпожа Ван Райк. Надеюсь, вы нам скажете, где находится госпожа Екатерина Ипатова? Она на вилле? Чудесно!

Эльке широким шагом направилась к особняку, миновала многочисленные комнаты и оказалась в кабинете покойной Герлинды. За свою долгую карьеру в полиции ей приходилось множество раз арестовывать подозреваемых в совершении убийства. Что ж, сегодняшней день, четвертое сентября, не станет исключением. Вот она, Катерина Ипатова, облаченная в светлые джинсы и красный пуловер.

— Госпожа Ипатова? — на всякий случай осведомилась Эльке и, получив утвердительный ответ, заявила, протягивая Кате документ, который сразу же перехватил адвокат Маркус Гольдберг.

— У меня имеется ордер на ваш арест по обвинению в преднамеренном убийстве госпожи Герлинды Ван Райк, которое произошло первого сентября сего года. Прошу, ознакомьтесь с бумагами.

Эльке никогда не спешила с задержанием преступника, если того, конечно, не требовала ситуация. Но Катя и не думала сопротивляться. Наоборот, услышав слова комиссара, она побледнела, затем пробежала глазами постановление на собственный арест.

«Не может быть, это ошибка, страшный сон», — бились в голове у Кати мысли. Она взглянула на Шрепп, собранную, подтянутую, похожую на приготовившуюся к прыжку пантеру. Перевела взгляд на адвоката Маркуса Гольдберга. Тот чеканным голосом заявил:

— Документ в полном порядке, госпожа Ипатова. Думаю, вам надо подчиниться закону. Уверяю вас, самое позднее завтра вечером вы выйдете под залог, я лично займусь этим. И до суда вы останетесь на свободе.

До суда... Значит, ее будут судить. Еще бы, ведь все они думают, что она отравила Герлинду. Но это не так! Катя любила Герлинду, она никогда бы и ни за что не посмела причинить ей вред. Неужели они решили, что она пошла на преступление ради денег, которые Герлинда завещала ей и Еве? Это же абсурд! Ее снова обвиняют в преступлении, которого она не совершала. Как когда-то в Волгограде... Но тогда все оказалось гораздо проще и безобиднее. А сейчас все эти люди думают, что именно она совершила жестокое и подлое убийство пожилой дамы.

Катя перевела взгляд на Еву. Та, бледная и напряженная, стояла около двери. Катя вдруг почувствовала, что к горлу подкатил комок. Она бросилась прочь из кабинета.

— Пропустите ее, — распорядилась комиссар Шрепп, обращаясь к полицейским. — Ей надо в ванную комнату.

Эльке почувствовала даже некоторую жалость по отношению к Кате. И легкую симпатию. Нет, такие чувства надо гнать! Она — представитель закона. Катя скрылась в

расположенной рядом ванной комнате. Она склонилась над раковиной, пустила воду.

Когда-то она вот так же стояла перед умывальником в туалете гостиницы «Волгоград», в зале ресторана ее ждал Герман Петрович. А через час его не стало. И вот снова — смерть... И ее обвиняют в убийстве! Что же делать? Единственный выход — бежать! Она должна скрыться, и немедленно! И тогда все проблемы исчезнут сами собой.

Беги, Катя, беги!

Шверин, ГДР, 8 ноября 1982 года

Моросил мелкий дождь. Кутаясь в тонкий шелковый халат, Ютта с унынием смотрела на многочисленные лужи на черном и блестящем от воды асфальте. На душе у нее было как-то тоскливо. Но отчего?

Она с беспокойством взглянула на свою дочку, которая мирно посапывала в кроватке. Ева, ее дитя, которое она любит больше жизни. Но если бы Ева знала, какую тайну скрывает ее мать... Ютта закусила губу и снова уставилась в окно.

Господи, как же здесь однообразно и беспросветно! Или ей это только кажется? Вдали виднелся черный и пугающий силуэт шверинского замка, где в былые времена обитали герцоги, а теперь, по слухам, водились привидения... Голые деревья, похожие на скелеты, и дождь, дождь, дождь, который барабанит по крышам, лупит по асфальту, струится по стеклу и сводит с ума!

На улице Ютта заметила Егора, который в спешке направлялся к ее дому. Но он же сказал, что придет только завтра. Так почему же сейчас практически бежит к ее дому? Было восьмое ноября 1982 года, вчера русские отметили очередную годовщину своей революции. И Егор сегодня, он сам об этом говорил, должен присутствовать на торжественном собрании, посвященном славным событиям 1917 года.

Но вместо этого он здесь! Впрочем, сейчас только семь утра. Рассвет даже не тронул темную синеву, клубившуюся за окном. Ютта ведь чувствовала, что он придет. Егор — мужчина, который дал ей возможность ощутить себя любимой и любящей женщиной. Он старший лейтенант, военный переводчик, выпускник одного из лучших вузов Советского Союза.

В прихожей звякнули ключи, Ютта бросилась в коридор. Ее возлюбленный стаскивал мокрый бушлат. Его лицо, обычно улыбающееся и приветливое, сегодня было мрачным и полным тревоги.

— Здравствуй, милый, — сказала Ютта по-немецки вполголоса. — Что-то случилось?

Егор быстро поцеловал ее, Ютта ощутила его напряженное дыхание. Он ничего не ответил, прошел в комнату, взглянул на спящую Еву.

— Тебе придется разбудить ее и собрать, — произнес он тихо. — У нас мало времени.

— Но в чем дело? — снова спросила Ютта. Тревога, как змея, закралась ей в душу. Она никогда еще не видела Егора в таком состоянии. Впрочем, что она знает о нем? Советский офицер, служащий в Шверине в одной из многочисленных дивизий, которые расквартированы на территории Германской Демократической Республики. Ютта никогда не интересовалась вопросами политики, она давно поняла, что лишний интерес может быть опасен.

Егор взял ее за руку и потащил за собой на маленькую кухоньку. Там, плотно закрыв дверь, он включил чайник, уселся на табурет и произнес:

— Мы когда-то говорили о том, что в случае необходимости... В общем, настала пора уносить отсюда ноги.

— Я не понимаю, — прошептала Ютта. — Егор, что ты имеешь в виду? Тебя переводят из Шверина? Или ты уезжаешь обратно в Союз?

Она уже давно исподволь готовилась к тому, что Егор рано или поздно уйдет от них с Евой. Еще бы, ему нет и

двадцати пяти, она старше его на три года. Хотя... У нее есть Ева. Его дочь... Но Егор не знает правды. Никто, за исключением двух человек на всем белом свете, не знает всей правды. И никогда не узнает — Ютта в этом совершенно уверена.

— Ни то и ни другое, — ответил Егор. Затем, подойдя к узкому окну, он уперся лбом в стекло и замолчал. Ютта обняла его. И почувствовала, как он дрожит. Но что же все-таки случилось? Она знала, что Егор — мастак попадать в нехорошие истории. Неужели и в этот раз...

— Ютта, я же сказал, нам пора, — он обернулся и поцеловал ее. Засвистел старый чайник, Ютта бросилась к плите и сняла его.

— Сегодня, точнее, сейчас, мы должны уйти через границу в ФРГ, — твердо произнес Егор. — Ты, я и Ева. Мы втроем. Как можно быстрее, времени на размышления нет. За мной должна начаться охота в любую минуту. Наверное, меня уже ищут. Так что буди Еву, бери документы и деньги — и вперед! Никаких вещей, никаких сумок, это может вызвать подозрения. Это наш единственный шанс.

Ютта как подкошенная рухнула на табурет. О чем он говорит? Неужели он и в самом деле собирается бежать в ФРГ? Всем известно, что в нескольких десятках километров от Шверина проходит государственная граница, которая разделяет два немецких государства — Германскую Демократическую Республику и Федеративную Республику Германии. Этот факт был поводом для множества анекдотов и «страшных историй». Ютта знала, что раз в несколько месяцев кто-то обязательно пытался перебраться из страны народной демократии на загнивающий Запад. У кого-то это получалось, но чаще — нет. Этих неудачников или ловили, а потом судили, навешивая большие сроки, или... Или их никто и никогда более не видел живыми, только газеты и телевидение триумфально сообщали о том, что провалилась очередная попытка пересечь государственную границу, а нарушитель

понес заслуженное наказание. Это значит — убит... Ходят слухи, что народное правительство в Берлине уже давно издало секретное распоряжение, согласно которому всех, пытающихся уйти в ФРГ, надлежит намеренно отстреливать, сразу открывая огонь на поражение. У Ютты была когда-то знакомая семья, которая недобрым зимним вечером попыталась прорваться в ФРГ. Итог был печальным — родителей убили, а двух детей отправили в детдом. Впрочем, бывали и случаи, которые увенчались успехом.

— Егор, почему? — Ютта обхватила голову руками. — Почему, скажи мне, мы должны бежать?

Егор облизнул сухие губы и ответил:

— Я тебе все объясню потом. Ты же говорила, что у тебя где-то в северной Германии есть тетка. Так что не пропадешь. Таким, как ты, в ФРГ сразу дают гражданство. И помогают устроиться...

Он замолчал, а затем добавил:

— Нельзя мне тут оставаться, понимаешь, нельзя! Уже четверть восьмого, к восьми рассветет, а значит, и его найдут.

— Кого? — испуганно спросила Ютта, не желая понимать, о чем говорит Егор. Но вместо ответа он решительным шагом покинул кухню и направился в спальню, чтобы разбудить трехлетнюю Еву.

Если бы Ютта знала, что произошло на самом деле! Егор сразу понял, что единственная возможность избежать военного трибунала — это побег. Правда, если его поймают... Если их поймают... Он очень любил Ютту и ее дочку. Их дочку! Ева, мышка-малышка, его любимая крошка... Он не оставит их в Шверине, потому что если его план не увенчается успехом, то расплачиваться за его преступление будут также Ютта и Ева.

Егор Селуянов всегда был склонен к авантюрам. Он — военный переводчик, знает в совершенстве немецкий и шведский. Потому он и оказался в ГДР, сначала во Франкфурте-на-Одере, затем здесь, в Шверине.

Старший лейтенант Егор Селуянов мог бы вполне благополучно вернуться в итоге на родину, где продолжил бы служить, если бы не...

Слишком много случайностей сплелись в единый клубок. Ютта, которую он полюбил с первого взгляда. Ему не помешало и то, что она считалась в Шверине «девушкой легкого поведения». Да, он знал, что к ней наведывались некоторые из советских офицеров и немецких граждан, дабы весело провести время. Но все это прекратилось, как только он познакомился с ней. Высокая, красивая, светловолосая, похожая на Маргариту из «Фауста» или Брунгильду из «Кольца Нибелунгов». Настоящая немка... Она тоже полюбила его, и Егор ей верил.

У нее была дочь, Ева. Егор обожал малышку и стал считать ее своей собственной дочерью. Кто был отцом девочки, Ютта предпочитала не говорить, а Егор и не настаивал.

Все бы могло быть в порядке, если бы не майор Лобойко. Этот педантичный садист помешан на торжестве социализма и правильности коммунистического учения. И в его руках сосредоточилась реальная власть — ведь Лобойко являлся замполитом, занимался пропагандой, имел прямой выход на Москву и частенько хвастался тем, что он свой человек в КГБ.

Майора Лобойко боялись даже те, кто был выше его званием. Он мог любому, будь то полковник или генерал, устроить ад на земле. Майор был мастером интриг, анонимок, муштры и оголтелой пропаганды коммунистических идей.

Но и у него, как у любого человека, была своя ахиллева пята. Майор любил азартные игры. И в нем Егор нашел родственную душу. Под прикрытием Лобойко, с ведома некоторых высоких военных чинов и при активной помощи Егора, знавшего в совершенстве немецкий, в расквартированной в Шверине 94-й дивизии второй танковой армии процветали азартные игры. Разумеется, и

солдаты, и офицеры всегда поигрывали в карты, однако именно благодаря таланту Егора и власти майора Лобойко было организовано подпольное казино, настоящий игорный дом, шверинский Лас-Вегас, как любил прихвастнуть майор. На самом деле, конечно, не было никаких зеленых столов с рулеткой, «одноруких бандитов» и длинноногих девиц, подающих на серебряных подносах выигранные деньги. То, что гордо именовалось «казино», располагалось в трех обычных квартирах в разных районах Шверина и тщательно охранялось. Туда приходили и советские офицеры, и рассчитывавшие на форту ну немцы, толковую агитацию среди которых проводил Егор. Соседи даже не подозревали, что в квартире напротив идет крупная игра на деньги.

Это были большие деньги, львиная доля их шла в карман к замполиту Лобойко, его высоким покровителям, а также кое-кому из шверинских властей, которые взамен закрывали глаза на нарушение общественного порядка. При этом ретивый майор продолжал как ни в чем не бывало привлекать к ответственности тех солдатиков, которые мирно резались в карты. Многие знали, что майор является покровителем подпольной игры, но никто не рисковал идти против могущественного замполита и его высокопоставленных друзей.

Никто — кроме Егора Селуянова. Он ведь с самого начала понимал, что аппетиты у Лобойко будут только разгораться, рано или поздно это приведет к ссоре и разрыву отношений. И тогда-то злопамятный замполит и употребит все свои связи, чтобы покарать Егора. Рано или поздно...

И вот это произошло. В ночь с седьмого на восьмое ноября. После тяготной лекции, праздничного офицерского застолья и особо прибыльной ночи, которая принесла небывалый доход, Егор оказался на квартире у замполита, чтобы получить законные двадцать процентов. Сначала его доля была двадцать пять, а неделю назад стала — двадцать. Егор понимал, что Лобойко теряет чув-

ство реальности, но кто бы мог сохранить хладнокровие, когда за одну ночь зарабатываешь состояние?

Квартира у Лобойко была обставлена по-буржуазному, среди хрустально-фарфорового великолепия явным диссонансом смотрелись портреты Ленина и Брежнева. Майор был вдовцом, и Егор знал, что он позволял себе иногда устраивать вылазки в квартал Шверина, где негласно обитали «ночные бабочки».

Егор принес сборы со стола казино, которое контролировал. Лобойко, уже порядком надравшийся, сидел за круглым обеденным столом из мореного дуба, над которым сиял старинный абажур, и подсчитывал мятые купюры, лежавшие перед ним. Хобби майора был антиквариат, по выходным он пропадал на «блошиных» рынках, приобретая диковинные и раритетные вещицы. Кое-что он весьма выгодно переправлял в Союз, большая же часть хлама оседала у него в трехкомнатной квартире.

— Ага, принес деньги, — гаркнул Лобойко, который сидел на обитом малиновом бархатом кресле, не иначе как перекупленном у какого-нибудь зрителя музея, и алчно взирая на купюры, устилавшие поверхность стола. — Сегодня мы побили рекорд, — сказал он. — Надо же, как немцы банкуют! Да и наши тоже хороши. Ну ладно, сколько у тебя?

Егор вынул из кармана завернутые в газету деньги, долю от большой игры в подпольном казино на севере Шверина. Лобойко с жадностью набросился на новую наличность.

— Что-то маловато, — заявил он. — Егор, я давно уже подозревал, что ты меня обманываешь. И вообще, двадцать процентов для тебя много, обойдешься и пятнадцатью. А лучше — десятью.

— Аркадий Михайлович, — произнес Егор. — Побойтесь бога, какие пятнадцать, какие десять, вы же сами говорили, что у нас равные права, а я теперь получаю только двадцать процентов... И потом, это моя идея с подпольными казино.

— Я бога не боюсь, Селуянов, — окинув его мутным полупьяным взглядом, проскрипел майор Лобойко. — Потому как его не существует. И ты мне тут зубы не заговаривай, ишь чего, ему захотелось справедливости! Согласен, идея была твоя. Но если бы я не организовал прикрытие, не подмазал нужных людей, то где бы ты оказался со своей идеей? Верно, Селуянов, в тюрьме. Запомни, старлей, я здесь главный — и по званию, и по статусу. Так что будешь получать теперь десять процентов. Тебе хватит на твою немку-шлюшку, а вот мне требуется для коллекции много денег, — и Лобойко обвел рукой вокруг.

Кровь бросилась в лицо Егору. Майор уже несколько раз позволял себе грязные намеки в адрес Ютты.

— Что вы хотите этим сказать, товарищ майор? — спросил Егор, подходя к Лобойко. Тот, развернув газетный сверток, начал пересчитывать купюры.

— Отстань, — поморщился Лобойко, — сосредоточиться мешаешь. И что ты из себя святого строишь? Не знаешь, что ли: твоя баба путается со всеми кому не лень? Да с ней до тебя полдивизии переспало, и после тебя другая половина в ее постели побывала. И я Ютту трахал грешным делом...

Егор бросился на майора, вышиб из-под него кресло и, схватив замполита за отворот халата, прохрипел:

— Что ты мелешь, она мне верна...

— Но, но, но! — Лобойко оттолкнул Селуянова. — Ты что себе позволяешь, придурок! Смотри, еще раз так делаешь, я тебя на гауптвахту посажу! Ютта твоя — немецкая потаскушка. Это всему Шверину известно. Смотри, сожительство с немкой может иметь для тебя самые негативные последствия, если я сообщу об этом куда следует. Ее все поймали — и я, и еще человек триста. Она что, задурила тебе голову сказками о вечной любви? И ты, идиот, поверил? Так ведь она идеологический враг, а ты попал в ее сети! И деньги на нее и ребеночка тратишь. Луч-

ше бы, как я, покупал непреходящие ценности. Эх, Селуянов, Селуянов... Жаль мне тебя.

Майор, который по причине получения небывалого барыша пребывал в отличном и незлобивом расположении духа, придвинул к столу опрокинутое музейное кресло и снова принялся за подсчет финансов.

Егор почувствовал, как гнев застилает ему разум. У него уже несколько раз случались подобные припадки неконтролируемой ярости. Сидит перед ним этот лицемер, корчит из себя поборника морали и цинично оскорбляет Ютту и Еву.

Пальцы майора мелькали над столом, перекладывая разношерстные банкноты в пачку к уже подсчитанным. Лобойко, увлеченный процессом, не заметил, как над ним навис Селуянов. Егор схватил тяжелый бронзовый подсвечник и ударил им майора по голове. Тот, как мешок, повалился на дорогой ковер. Селуянов еще раз ударил Лобойко острым выступом подсвечника. Затем отшвырнул канделябр в сторону. Надо же, он выполнен в виде обнаженных танцующих женщин. И где только такой майор откопал? Боже, что Егор натворил? Убил ненасытного мерзавца, но тот все же был майором Советской Армии. Егор склонился над Лобойко. Нет, не дышит. Ну что же ему теперь делать?

Ярость, которая ослепила его на десять секунд и привела к непоправимым последствиям, испарилась без следа. Страх пронзил Селуянова холодными и острыми стрелами. Он слышал, как часы в соседней комнате гулко пробили половину седьмого, затем раздалась приятная старинная мелодия — то ли полонез, то ли менуэт, — которая совершенно не соответствовала моменту. Уж лучше бы похоронный марш...

Егор пришел в себя, снова склонился над майором. Все лицо замполита было залито кровью, Лобойко не шевелился. «Так и есть, я его же сначала по черепу, а затем в висок двинул бронзовой штуковиной, — подумал Селуянов. — Сдох, туда ему и дорога».

Страх вдруг исчез, мысли в голове Егора зашелкали, как арифмометр. Деньги, тут на столе никак не меньше десяти тысяч марок. Он нашел пластиковый пакет из супермаркета, стал сгребать банкноты, небрежно запикивая их в мешок. Некоторые из бумажек приземлились в луже крови, которая натекла из разбитого черепа майора, Егор поднял пропитавшиеся кровью купюры и положил в пакет. Не пропадать же добру!

Бежать, бежать, надо бежать! Лобойко обнаружат самое позднее сегодня днем, когда коллеги, встревоженные его исчезновением, заявятся к нему на квартиру. Егор вздохнул — он оставил столько следов, но нет времени стирать отпечатки пальцев, да кровавые следы везде, он попал ботинком в кровавую лужицу... Все равно ему не удастся отвести от себя подозрение, есть люди, которые знают о его роли в подпольном казино. Не сегодня, так самое позднее — завтра его арестуют. И что тогда?

Лишат офицерского звания, а до того военный трибунал приговорит его к длительному сроку, дадут лет эдак пятнадцать-двадцать. Еще приплетут антисоветские высказывания, сделают изгоем.

Значит, остается только один выход — побег на Запад. Сейчас же надо бежать к Ютте, приказать ей одеться, прихватить документы, собрать девочку — и вперед. Местные жители замечают в первую очередь своих же, немцев, к русским в военной форме они привыкли, за ними не следят, о них не докладывают. Они с Юттой доберутся на автобусе до городка Гадебуш, оттуда всего пару километров пешком до пограничной зоны. Он же столько раз был на границе, знает их порядки. Они смогут уйти! Смогут!

И — прощай наказание за смерть стяжателя Лобойко. Егор осмотрел комнату, открыл резной ларец, вытащил оттуда еще одну пачку денег — на этот раз западнонемецких марок и американских долларов — и несколько сверкающих побрякушек. На первое время им хватит. И вообще, к чему ему эти разноцветные гэдээровские фанти-

ки, они в Западной Германии не в ходу. Хотя нет, надо сохранить...

Так Егор и оказался у Ютты. Она без слов поняла, что случилось нечто неподвижное и страшное. Поэтому, перестав терзать Селуянова вопросами, она разбудила Еву. Девочка, еще сонная, закапризничала, Ютта стала ее уговаривать, поцеловала, и Ева успокоилась.

Спустя десять минут они были готовы. Егор велел взять корзинку для пикников, чтобы создать видимость: они якобы собрались в гости или совершают вылазку на природу. Ютта пыталась заикнуться, что в такую погоду — дождливую и холодную — никто не пойдет на пикник в лес, да тем более в самой близи от границы, но Егор ее не слушал.

Оружие было у него при себе. Отправляясь в подпольное казино, он всегда держал в кармане пистолет. Теперь он ему пригодится. Ютта, одетая в темно-синюю куртку с капюшоном, внезапно заплакала. Егор обнял ее и попытался успокоить.

— Я боюсь, — зашептала Ютта. — Они ведь могут нас поймать или подстрелить. И что тогда? Егор, нам точно надо бежать?

— Нас никто не поймает, — сказал, как отрезал, Селуянов. — У тебя там тетка, она вас приютит. Тебя и девочку. Со мной будет сложнее. Ты же все-таки немка, а я — советский офицер. Мне обязательно пришлют шпионаж или что-то подобное. Ну ладно, чему быть, того не миновать.

— И мы больше никогда не вернемся в Шверин? — вдруг забеспокоилась Ютта. — Я хочу, Егор, увидеться с Ипатовыми. С Дашей Ипатовой, она моя подруга...

— Да забудь о подругах, — прервал ее Егор. — Не время теперь. Пошли!

Ютта, закусив губу, чтобы не расплакаться, покорно вышла из квартиры, по привычке закрыла дверь на два оборота и положила связку в карман куртки. Хотя зачем ей ключи от квартиры, в которую она не собирается

больше возвращаться? Егор не знает, конечно, не знает. Никто не знает, только она и Даша Ипатова. И никто никогда не догадается. Но если она покинет Шверин и перейдет через границу, то получается, что никогда не сможет увидеть ее. Ее... Егору нужно во всем признаться, она не может ее бросить!

Но Ютта поняла, что ей не хватит нескольких минут, чтобы рассказать все, что с ней произошло. С ней и с Дарьей Ипатовой. Егор может не понять ее. Она и сама не понимала, почему решилась тогда на такой шаг. Но это произошло совсем в иные времена, Егора не было рядом, она пребывала на грани отчаяния. Сейчас она ни за что не рискнула бы пойти на такое.

Ну что ж, Егор прав. Чему быть, того не миновать. *Komme, was es wolle.* Значит, так и суждено было случиться. Ютта уйдет, а *она* останется.

Они подошли к остановке. Занимался хмурый рассвет. На улице почти никого не было. Только несколько фигур покорно трусили за собаками. До очередного рейса в сторону Гадебуша оставалось целых двадцать минут. Все это время Егор молчал, о чем-то размышляя. Ютта, прижав к себе Еву, старалась ни о чем не думать. Девочка хныкала, Ютта машинально отвечала на вопросы дочери, даже не понимая, чего именно та хочет. Ева, у нее есть Ева! Она не должна забывать об этом! Она не имеет права!

Автобус подошел точно по расписанию. В салоне было всего несколько человек, водитель взглянул на новых пассажиров, однако форма советского офицера его успокоила. Русские, которые заправляют теперь по всей стране, имеют право ездить куда захотят. Рядовой житель ГДР не смог бы просто так сесть в этот автобус и проехаться до границы, водитель сообщил бы о подозрительном типе куда следует, и на конечной остановке его бы уже ждали. А вот русские — они тут хозяева, потом проблем не оберешься, если заподозришь такого в чем-то неблаговидном. Но женщина с ним, пожалуй, немка.

Ага, у них корзинка, так и есть, у советских вчера был праздник революции, едут к кому-то в гости. Водитель потерял интерес к Егору и Ютте.

Они расположились на заднем сиденье. Их путешествие длилось три четверти часа. В Гадебуш они прибыли в полном одиночестве.

Дождь усилился, но это было им только на руку. На улице никого, значит, соглядатаи, которые могли бы засечь их, тоже сидят в теплых и уютных домиках, а не шляют по округе. Егор знал особый маршрут — их на всякий случай должны видеть как можно меньше немцев. Окольными путями они вышли к редколесью, затем, ступая по мокрой прелой листве, отправились в сторону границы.

Ева раскапризничалась, она хотела есть. Селуянов подхватил девочку на руки, и та немного успокоилась. Она обожала Егора. Надо же, думала иногда Ютта с затаенным беспокойством, девочка пошла вся в нее, так же сызмальства тянется к мужскому вниманию. Если бы на руки Еву взял не Егор, а она, Ютта, то дочка не успокоилась бы, а тут, надо же, затихла и, кажется, вообще прикорнула на плече у Селуянова.

Ютта шла за Егором, они пробирались по лесу, впереди уже виднелся просвет. Так и есть. Граница! Примерно за пятьдесят метров до нее Егор повернулся к Ютте, отдал ей заснувшую Еву. Тихо велел, чтобы Ютта ждала его, а сам отправился вперед. Если его сейчас и задержат, то он будет один. Он — советский офицер, имеет право находиться в пограничной зоне.

Егор осторожно вышел из леса. Граница представляла собой два ряда обыкновенной сетки-рабицы высотой чуть больше двух метров, между этими рядами проходила полоса утрамбованной земли, по которой обыкновенно курсировали гэдээровские пограничники. Селуянов осмотрелся. Никого поблизости нет. Он махнул Ютте, и та вместе с Евой направилась к нему.

— Корзину могла бы оставить в лесу, — сказал Егор. —

Она нам не понадобится. За второй сеткой — территория Западной Германии. Как только мы окажемся там, то будем вне досягаемости для восточных немцев. Ты с Евой пойдешь первой. Будь готова к тому, что там тебя задержат пограничники, но ничего не бойся, Ютта. И запомни — я тебя люблю! Что бы ни случилось!

Он поцеловал ее, и Ютта снова начала плакать. Прислушалась Ева, которая, уловив тревогу и опасность, вслед за матерью стала лить слезы. Егор поторопил их. Ютта неуклюже перелезла через сетку, затем Егор подал ей девочку. Ему вдруг показалось, что он слышит голоса. Селуянов перелез через первую сетку. Затем помог Ютте преодолеть вторую преграду. Ева начала громко кричать, девочка явно боялась. Дождь, холодный и резкий, хлестал по лицу. Егор снова передал девочку Ютте, которая находилась уже по ту сторону границы, в ФРГ.

— Немедленно в лес, — он кивнул на рошу, начинающуюся в нескольких десятках метров от границы. Их пальцы встретились. Ютта всхлипнула. — И запомни, что я тебе говорил. Ничего не бойся. И требуй немедленно найти свою тетку.

— Егор, быстрее, прошу тебя, — заговорила Ютта. Селуянов прикрикнул на нее, и та, подхватив кричащую Еву, бросилась к лесу. До свободы было всего несколько шагов. Ему важно знать, что с Юттой и Евой все в порядке. Егор схватился за сетку.

— Стоять! — услышал он окрик. Егор понял, что пограничники здесь. Он ощущал их затылком. Но это не спасительные, западные, а те, что стреляют на поражение, восточные.

Егор перемахнул через последнюю преграду. Он приземлился на мокрой и пожухшей траве уже в ФРГ. Так и есть, с той стороны границы к сетке бегут несколько пограничников, один из них срывает автомат...

Селуянов пригнулся, раздалась короткая очередь. Ютта, которая находилась под защитой деревьев, видела, как Егор упал. Она вскрикнула и затаилась за низкой

елью. Ведь могут попасть и в нее. И в Еву. Но что с Егором, он не может умереть, он не имеет на это права — здесь, на свободе!

— Стреляй, стреляй в него! — командовал один пограничник другому. — Эта тварь не должна уйти! Черт возьми, ну давай же!

Ноябрьскую тишину пронзила еще одна автоматная очередь. Ютта отвернулась и, не разбирая дороги, помчалась прочь. Она не помнила, как долго бежала, когда перед ее глазами замелькали люди в темно-зеленой форме. Пограничники ФРГ.

— Остановитесь! — крикнул один из них. Ютта подчинилась. Коренастый усатый дядька приблизился к ней. Он видел перед собой обезумевшую от ужаса женщину с растрепанными светлыми волосами, прижимавшую к себе плачущую малышку.

— Я из ГДР, — прошептала Ютта, чувствуя, что вот-вот упадет в обморок. — Он там, Егор! Помогите ему, умоляю! Они его ранили. Они...

— Успокойтесь, — произнес второй пограничник, молодой мужчина. — Вам уже нечего бояться. Мы вынуждены вас задержать, но повода для беспокойства нет. Таковы формальности. Это ваша дочь? Как тебя зовут, малышка?

Пограничник ласково обратился к Еве, которая, уткнувшись в куртку матери, тихо подвывала. Услышав мужской голос, Ева повернулась к пограничнику, он увидел ее хитрый синий глаз и симпатичную заплаканную мордашку.

— Ева, — произнесла она и улыбнулась. Пограничник улыбнулся ей в ответ.

— Добро пожаловать на территорию Федеративной Республики, — сказал коренастый усач. — Мы слышали выстрелы с той стороны границы и сразу поняли, что товарищи с Востока опять пытаются помешать кому-то бежать. У нас в этом году вы уже седьмая. Семь — счастливое число.

Ютта закинула голову и подставила лицо холодным каплям дождя. Впрочем, кажется, небо начало проясняться. Ева вцепилась в куртку Ютты. Девочка больше не плакала. Все осталось позади. А Егор? Неужели он ранен или даже убит?

— Вы не одна? — спросил пограничник. — О ком вы говорили?

— Там мой... мой муж, — сказала Ютта. — Он — русский офицер, в него стреляли пограничники. Ему нужно помочь...

И несмотря на ужасные переживания этого утра, Ютта почувствовала странную радость. Егор был прав — не прошло и нескольких часов, как она с Евой оказалась на свободе. Вот если бы с ним все еще было в порядке. Она ведь любит его.

— Пройдемте со мной, — сказал Ютте молодой пограничник. — И кстати, как вас зовут?

— Ютта Франке, — ответила она и зашагала вслед за пограничником.

Дарья Ипатова вздохнула и продолжила глажку. Ей, как матери семейства, приходилось, помимо работы, заниматься и домашним хозяйством. Впрочем, не требовать же от супруга, чтобы он готовил обеды, стирал или возился с малолетней дочерью?

Хлопнула дверь, на пороге появился взмыленный Александр Ипатов. Дарья поняла — что-то случилось. Впрочем, может, кто-то всего лишь напился по поводу праздника и что-нибудь учудил? Так было, к примеру, в прошлом году, на Новый год. Один из сослуживцев мужа, прапорщик дивизии, изрядно приняв на грудь, залез на конную статую императора Вильгельма, которая возвышается перед шверинским замком, и принялся горланить Гимн Советского Союза, опустошая при этом свой мочевой пузырь на постамент и брусчатку. Немцы привыкли к подобному поведению советских солдат и молчали. А что они могли сказать. Им ведь известно, что со-

ветские граждане не подпадают под немецкую юрисдикцию.

— Ну, Даша, я тебе сейчас такое расскажу! — сказал Ипатов, проходя в небольшую комнату. — Этим утром произошло невероятное!

— Что именно? — лениво спросила Дарья, доставая из корзины с бельем очередную мужнину рубашку.

— Селуянов бежал на Запад, — на одном дыхании произнес Александр.

Дарья, отставив горячий утюг в сторону, спросила:

— Ну и как, у него получилось перейти через границу?

— Пока не знаю, говорят, там стрельба была, — ответил муж. — Но это не все. Он не один ушел. Вместе с ним была его немецкая любовница. Знаешь, эта шлюшка Ютта, она тут вечно раньше крутилась, пока с ним не познакомилась.

Дарья охнула. Ипатов внимательно посмотрел на жену и спросил:

— А что ты так на это реагируешь, Даша?

— Да я... Я подумала о дочери, о Юттиной дочери, она ведь с нашей Катюшей родилась вместе. Девочка-то осталась?

— Ага, осталась, — фыркнул муж. — Конечно, нет. Селуянов знал, что делал. Я вообще-то его плохо знал, он хоть и земляк мой был, да мы с ним почти не общались. Он же понимал — если уйдет, то покарают тех из его близких, кто останется. А он в семье был один, родители умерли, никого нет. Ну, кроме этой Ютты. И ее девчонки. Та, понятное дело, не его дочь, но он вроде бы даже собирался жениться на Ютте и девчонку удочерить. Вот что творится...

Дарья прикрыла на мгновение глаза. Боже мой, значит, Ютта бежала. Бежала, прихватив и дочку. Ева, так, кажется, она назвала ее.

— Но это еще не все, Дашка, — продолжал муж. —

Знаешь, почему Селуянов-то решил драпать, и именно сейчас? Он ведь замполита Лобойко кокнул!

— Да ты что! — вскрикнула жена, едва не обжегшись о раскаленный утюг. — Не может быть!

— Может, да еще как, — заверил ее супруг. — Пока что официально ни о чем не объявляли, но знающие люди видели сегодня около дома, где Лобойко живет, несколько медицинских машин, а также полицию и «уазик» с нашими чинами. Вот крику-то из Москвы будет! Еще бы, мало того, что советский офицер драпанул на Запад, прихватив немецкую сожительницу и ее ребенка, так еще и убил замполита! Впрочем, этой гадюке Лобойко туда и дорога, его никто не любил, он на всех стучал, а уж когда начинал про преимущества коммунизма байки рассказывать, у него пена у рта появлялась, так в раж входил. А сам-то скупал на барахолках антиквариат, всю квартиру обставил, как шверинский замок, и еще кое-что в Союз вывозил, капитал, так сказать, зарабатывал. Говорят, что они с Селуяновым занимались азартными играми. Казино вроде бы устроили подпольное. Все может быть. Похоже, Селуянов его кокнул, чтобы деньги забрать. Он и квартиру Лобойко основательно почистил. А там много чего ценного было.

Ипатов подошел к телевизору и стал переключать с канала на канал. Наконец обнаружил одну из западно-германских телепрограмм. На экране высветилась студия, в которой находилось несколько человек. Приглядевшись, Дарья узнала в одном из присутствующих Егора Селуянова, который был облачен в парадную военную форму советского офицера.

Дарья знала — стоило немецким гражданам или советским военным бежать в ФРГ, как они тотчас, буквально тем же вечером, появлялись в эфире канала, который вещал на ГДР. Западные немцы использовали все возможности, чтобы пропагандировать свой образ жизни и прославлять тех смельчаков, которые не побоялись бросить вызов тоталитарной системе. И русские военные возни-

кали в студии, говорили ужасные слова и красовались всегда в парадной форме, которая, скорее всего, была наготове в ателье телевизионного канала.

— ...И я понял, что так больше продолжаться не может, — чеканным монотонным голосом, не глядя в камеру, говорил Селуянов. — Поэтому принял решение перебраться на Запад. Я устал от постоянной лжи, муштры и притеснения моих конституционных свобод...

— Ишь, как запел, — произнес Александр Ипатов. — Конституционные свободы, муштра... Впрочем, они там говорят не то, что думают, а что им прикажут. Наверное, так и велели: или рассказываешь об ужасной жизни в ГДР, или мы тебя обратно вышлем. Ты же не немец, а советский гражданин, зачем нам лишняя головная боль от стычек с Москвой.

Дарья присмотрелась. Левая рука у Егора Селуянова была забинтована. Он продолжал рассказывать (а его слова тотчас переводились на немецкий язык) о том, как звери-пограничники пытались расстрелять его, а также женщину с малолетним ребенком.

— Ну, теперь он точно получит немецкое гражданство, — со скрытой завистью произнес Ипатов. — Что ж, ему повезло, Даша. Может, и нам рвануть?

— Ты что такое говоришь? — всполошилась Ипатова. — Сашка, опомнись, они же теперь охрану границы усилят, всех трести начнут. И у нас ребенок, ты что, забыл...

— Да пошутил я, успокойся ты, — миролюбиво ответил Александр. — Никуда мы не денемся. И у тебя, и у меня в Союзе родственников полно. Так что останемся, как Егор говорит, заложниками тоталитарной системы и винтиками в машине уничтожения. Эх!

Он переключил на другой канал. Дарья продолжила глажку. Мысли ее вертелись вокруг побега Селуянова и Ютты. Что ж, она бежала. Но с другой стороны, это и хорошо. Ютта — единственная, кто знает об их тайне. И теперь она далеко, в другой стране, в другом мире. Они никогда больше не встретятся. Никогда! И все останется

так, как сейчас. Значит, нужно бога благодарить, что все так получилось. Потому что прошло бы еще несколько лет, и люди начали бы задавать вопросы. А теперь... Теперь она спокойна. И пусть у Ютты и ее дочери все будет в порядке. Пусть живут на Западе.

Закончив гладить, Дарья прошла в темную спальню, где спала ее дочь Катя. Женщина присела около кровати, погладила русые волосы дочери, отчего-то ей захотелось всплакнуть. Нет, нужно держать себя в руках. Главное, чтобы Саша никогда ничего не узнал. Он не догадается, она все великолепно продумала. И Ютта, единственный человек, который мог бы ее выдать, теперь ушла из их жизни.

Ипатова с нежностью поцеловала спящую девочку, вышла из комнаты и прикрыла плотно дверь. Ее ждала гора грязного белья, которое нужно выстирать. Вот она, семейная жизнь. Но ведь всего этого могло бы и не быть... Могло бы — но оно у нее есть!

Теперь нужно поскорее забыть о том, что произошло три года назад. Все это несущественно, вместе с Юттой исчез из Дашиной жизни страх. Она уже не боится, что кто-то мог узнать и сказать. Все прошло, все прошло...

Волгоград, Россия, февраль 2002 года

Катя Ипатова натужно улыбнулась и попыталась в который раз убрать назойливую руку Германа Петровича со своей коленки. Однако ее кавалер, плотный и высокий мужчина лет сорока пяти, коротко постриженный, с бобриком серебристых седых волос, не желал понимать отказа. Герман Петрович Варавва привык получать то, что хотел. Причем — всегда. А сейчас он хотел одного — заполучить Катю Ипатову.

— Катюша, может, тебе еще вина? — спросил Герман Петрович и, не дожидаясь ответа, щелкнул пальцами, унизанными массивными золотыми перстнями. Появил-

ся вышколенный официант, который с приклеенной к лицу улыбкой был готов исполнить любой каприз гостя.

— Так, давай мне еще сто пятьдесят водочки, а девчонке коктейльчик, — барским тоном распорядился Варавва.

— Но, Герман Петрович, я больше не хочу, — попыталась воспротивиться Катя, но кавалер и не слушал ее возражений. Он привык к тому, что ему все и всегда подчиняются. И зачем она вообще согласилась пойти вместе с Вараввой в самый шикарный ресторан города?! Наверное, просто надеялась, что после совместного ужина тот отстанет от нее. Но нет, эта встреча в ресторане была для Германа Петровича прелюдией. Он явно рассчитывал на то, что Катя проникнется к нему симпатией, и за этим вечером последует еще много чего занятного и интересного...

— И мороженое ваше, разноцветное, с ликером, — приказывал Герман Петрович официанту. — Девчонке моей понравилось. Ведь так, Катюша?

И его потная рука снова очутилась у нее на коленке. Катерина не пожалела, что надела длинное платье, хотя Герман Петрович настоятельно просил ее облачиться во что-нибудь покороче. Девушка ощутила, что ее силы на исходе. Она просто даст этому наглецу пощечину — и что тогда?

— Извините, я сейчас вернусь, — сказала Катя и, поднявшись, буквально выбежала из зеркального зала ресторана. Она кинулась в туалетную комнату, склонилась над мраморной раковиной, пустила сильную струю воды, вздохнула. Затем посмотрела на себя в зеркало.

— Итак, Катерина, что тебе делать? — спросила Ипатова у своего отражения. Затем задала тот же вопрос по-немецки: — Was nun tun, Katharina?

На нее смотрела удивительно красивая блондинка с темно-синими, как норвежские фьорды, глазами и великолепной точеной фигурой. «Кто сказал, что красота помогает? Была бы как Светка Храповалова, Герман Пет-

рович никогда бы на меня внимания не обратил. Он же у нас гурман, ему манекенщиц подавай. А на простых смертных он и внимания не обращает».

Она усмехнулась, вспомнив свою подружку и сокурсницу Светку. Будучи полной, та вечно сидела на диетах, чтобы скинуть лишние пятнадцать-двадцать килограммов, однако это у нее никак не получалось. Светка определенно вцепилась бы обеими руками, всеми десятью пальцами с алыми накладными ногтями в Германа Петровича Варавву. Еще бы, такая партия! Ну и что из того, что ему под пятьдесят. Ничего, мужик в самом соку! Ну и пусть он женат, и Катя училась в одном классе вместе с его младшим сыном! Фи, моя милая, это же предрассудки! Сейчас самая «фишка» быть метрессой! Это слово Светка обнаружила в каком-то историческом любовном романе и теперь шеголяла им. Ну, подумаешь, разведется с женой. Или будешь за его счет жить. Купит тебе квартиру в самом центре города, машину, оденет «в фирму» с ног до головы, устроит на высокооплачиваемую работу в крутую фирму. Или вообще работать не понадобится, будешь ходить по салонам и бутикам, отдыхать вместе с ним за границей. Вот жизнь!

Светка определенно понимала толк в такой жизни, но Кате претило быть содержанкой или даже законной женой Германа Петровича. Впрочем, он явно не собирался расставаться со своей супругой. И еще одно «но»...

— Он тебе не нравится? — фыркала Светка Храповалова. — Ты его не любишь? Да что ты говоришь, Катерина, откуда в твоей головке такие глупые мысли? Кто сказал, что ты должна его любить? Он мужик влиятельный, богатый. Я бы такого ни за что от себя не отпустила! А он сам вокруг тебя увивается. Дурочка, какая же ты дурочка! Или думаешь, что вечно будешь в своем замызганном универе работать? В аспирантуру пойдешь, карьеру начнешь делать, доцентом к пятому десятку станешь? И вся твоя красота к тому времени испарится без следа.

Светка считала, что понимает толк в современной